

золотомъ и шелкомъ, а цвѣты унизаны жемчугомъ и драгоценными камнями; тропарь и кондакъ преподобному вышиты серебромъ; 8) плащаница — на бѣломъ атласѣ съ изображеніемъ одного Спасителя; 9) плащаница съ изображеніемъ Спасителя, на черномъ фонѣ, а у ногъ и главы—два Ангела; 10) риза отъ царицы Маріи Ильиничны, супруги царя Алексѣя Михайловича—1670 года; 11) риза митрополита Новгородскаго, впослѣдствіи Московскаго патріарха Никона, 1649 года; 12) митра 1704 года съ надписью: „Іюня 7 день. Во святую обитель Александра Свирскаго приложила шапку сію боярина Параскева Борисова Ордина-Нащевина, ради поминовенія по себѣ и по своихъ родителейхъ.“

Кромѣ того есть древнія облаченія съ тяжелыми коваными оплечьями, убранными крупнѣйшимъ жемчугомъ.

Библиотека же и архивъ монастыря заключаютъ въ себѣ много старинныхъ рукописей и книгъ, особенно расколучительныхъ. Эти книжныя и рукописныя богатства ждуть изслѣдователей.

Въ заключеніе нельзя не сказать о С.-Петербургской часовнѣ монастыря. Часовня Александро - Свирскаго монастыря въ С.-Петербургѣ, несмотря на ничтожность мѣста, занимаемаго ею, представляетъ собою цѣлый монастырекъ, или цѣлое иноепархіальное подворье. Создать на столь ничтожномъ пространствѣ часовню, церковь въ три отдѣльныхъ придѣла, колокольню, прекрасныя келліи для братіи, поварню, трапезную, помѣщеніе для прислугъ и пѣвчихъ, просфоропекарню и, наконецъ прекрасное помѣщеніе въ родѣ архіерейскихъ покоевъ въ связи съ церковью,—все это можно было лишь при замѣчательномъ искусствѣ архитектора (всѣ работы по часовнѣ исполнены по планамъ и подъ ближайшимъ надзоромъ архитектора Никонова) и энергіи нынѣ управляющаго часовней іеромонаха Александра. Главный изъ храмовъ во имя святаго Александра Невскаго построенъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Лихачевымъ въ память чудеснаго избавленія въ Бозѣ почившаго Государя Александра II

отъ руки злодѣя 4-го апрѣля 1866 года и два другіе—во имя святыхъ Сумеона Персидскаго, Александра Свирскаго и великомученицы Варвары и во имя святаго Іуліана—построены на средства нѣсколькихъ благотворителей и только что освящены. Всѣ зданія со внутреннею отдѣлкою и церковною утварью стоятъ, по приблизительной оцѣнкѣ, тысячь до ста.

Внутренняя отдѣлка храмовъ проста, но изящна. Иконостасы дубовые съ иконами прекрасной живописи (Кошелева). Вся церковная утварь блещетъ новизной и довольно цѣнная. Въ трехъ придѣлахъ (два новыхъ—съ хорами) можетъ помѣститься до тысячи человекъ молящихся. Нельзя не обратить вниманія на удивительную любовь къ храмамъ Божиимъ, какую проявило бѣднѣйшее по преимуществу населеніе С.-Петербурга при построеніи двухъ новыхъ придѣловъ часовни: по словамъ управляющаго часовней, во все время постройки, по окончаніи дневныхъ работъ являлись цѣлыя толпы мужчинъ, женщинъ и дѣтей по преимуществу изъ рабочаго класса и до 12, до 1 часу ночи носили на лѣса кирпичъ, воду, известь, благодаря чему каменщики работали на другой день вдвое трое успѣшнѣе, имѣя подъ руками наношенный матеріалъ. Осенью, когда начались темные вечера, эти добровольные труды по храмозданію производились при фонаряхъ. И что замѣчательно, всѣ эти рабочіе люди, уже измученные своимъ обязательнымъ дневнымъ трудомъ, приходили потрудиться добровольно не изъ однихъ только ближайшихъ окрестностей, а даже съ окраинъ столицы.

Н. М.

О борьбѣ съ пьянствомъ.

Вѣсть, что въ Петербургѣ составилось общество для борьбы съ пьянствомъ, должна отъ души порадовать всякаго друга народа. Не менѣе можно порадоваться и тому, что уже и въ средѣ самого народа, именно въ средѣ крестьянъ, является противодѣйствіе такому душепагубному

пороку, который сдѣлался причиною ихъ бѣдности и разныхъ преступленій. Напрасно дѣйствуютъ всякія миссіи противъ раскола и ересей, если раскольники и еретики могутъ указать на жизнь православныхъ, погибающихъ въ пьянствѣ и его послѣдствіяхъ. Именно обвиненіе въ пьянствѣ нашихъ крестьянъ служить ядовитымъ жаломъ въ рукахъ штундистовъ, чтобы доказать, что они, отступая отъ православной церкви, дѣлаютъ якобы богоугодное дѣло, возвращаясь на истинно христіанскій путь по примѣру первыхъ христіанъ, отступившихъ отъ язычества. И надобно признать, что они, отличаясь трезвостью и трудолюбіемъ, тѣмъ самымъ увлекаютъ за собой многихъ.

Кто присмотрѣлся ближе къ быту нашего народа, особенно крестьянъ, тотъ могъ убѣдиться въ томъ, что простой народъ не считаетъ пьянство даже порокомъ. Не выпить въ большіе праздники—нашъ народъ считаетъ чуть ли не грѣхомъ; не выпить при крестинахъ, свадьбахъ, похоронахъ, и при томъ, какъ говорится, — „до положенія ризъ“, значило бы не быть русскимъ человѣкомъ. А когда нужно выпить, средства найдутся, хотя вслѣдъ за такими угощеніями идутъ долги, а зачастую и голодь. По большимъ городамъ можно видѣть, какъ съ заводовъ идутъ вечеромъ рабочіе: идутъ блѣдные, исхудалые, оборванные, но почти всѣ пьяные. Въмѣсто того, чтобы уставшія силы укрѣпить питательной пищей, чтобы купить для бѣднаго семейства хлѣба, молока, мяса или рыбы, большая часть заработанныхъ денегъ идетъ на водку, которая и здоровью приноситъ вредъ и заставляеть голодать несчастное семейство. О нравственномъ вліяніи пьянаго отца на воспитаніе дѣтей и говорить нечего. Пьяницы не любятъ ходить въ церковь слушать проповѣди. Теперь, впрочемъ, когда болѣе и болѣе распространяется ученіе дешевыми книжечками, являюся иногда среди крестьянъ и рабочихъ добрые и умные люди, обращающіе вниманіе своихъ братьевъ на этотъ ужасный, душепагубный порокъ; вотъ и слышишь, что въ нѣкоторыхъ обществахъ по приговору за-

крываются кабаки. Раньше же такихъ людей не бывало, по общеизвѣстнымъ причинамъ, и потому, что водка считалась неотлучной—отъ жизни крестьянина и лекарствомъ во всякихъ неудачахъ. Между тѣмъ въ другихъ странахъ міра уже давно ведется борьба съ пьянствомъ, и не только въ средѣ христіанъ, но и самихъ даже дикарей, погибающихъ отъ водки хуже, чѣмъ отъ другихъ невгодъ—оружія или заразительныхъ болѣзней. Стоитъ привести примѣръ одного посланника такихъ американскихъ дикарей, явившагося въ 1820-хъ годахъ къ президенту Сѣверныхъ Соединенныхъ Штатовъ *) и сказавшаго слѣдующее: „Просимъ у тебя плуговъ и другихъ снарядовъ хозяйственныхъ и просимъ также выслать намъ кузнеца для ихъ починки. Но, отецъ, все, что бы ни сдѣлано было для насъ, не принесетъ пользы, если собравшіяся теперь великій совѣтъ 16-ти огней (16-ти штатовъ) не распорядится, чтобы никто не смѣлъ продавать среди краснокожихъ людей водки и другихъ острыхъ напитковъ. Отецъ, привозъ этого яда воспрещенъ въ нашихъ поляхъ, но не воспрещенъ въ городахъ, въ которыхъ многіе изъ нашихъ охотниковъ не только мѣхи но и ружья свои и одѣяла продаютъ, и голые возвращаются къ своимъ семействамъ... Отецъ! Твои дѣти (дикари) трудолюбивыя, но ввозъ этого яда дѣлаеть ихъ бѣдными. Твои дѣти не господствуютъ надъ собой, какъ вы. Когда наши бѣлые братья (европейцы) въ первый разъ пришли въ нашъ край, наши предки были многочисленны и счастливы; но съ тѣхъ поръ, когда мы облизались съ бѣлыми, и когда привезли къ намъ этотъ пагубный ядъ, наше число уменьлось и мы не такъ счастливы“. Сколько правды въ этихъ словахъ, и сколь справедливы они въ примѣненіи и къ нашему народу! Если уже американскій дикарь понялъ, какой вредъ приноситъ водка, имѣющая то свойство, что человѣкъ, пристрастившійся къ ней, забываетъ о всемъ, даже объ узакъ семейной любви и

*) Макробіотика Гуфеланда.

дѣлается хуже неразумнаго животнаго, то тѣмъ болѣе общество разумныхъ, честныхъ и народъ свой любящихъ людей, паче же христіанъ, должно обратить вниманіе на то зло, которое убиваетъ и тѣло и душу человѣка. Да здравствуетъ Петербургское общество въ борьбѣ съ пьянствомъ! Да здравствуетъ глубокочтимый во всей Россіи отецъ Іоаннъ Кронштадтскій, украсившій своимъ предсѣдательствомъ то общество, задача котораго, какъ велика и свята, такъ и необъятна въ спасительныхъ послѣдствіяхъ!

Чтобы понять всю спасительность такого общества для русскаго народа, позвольте присмотрѣться къ настоящему его быту, при видѣ котораго не можете не болѣть христіанская душа. Что-жъ это такое водка? Вамъ скажутъ кабатчики: это вѣрный другъ нашего крестьянина, нашего бѣднаго рабочаго. Смотрите, какъ онъ живетъ, какъ онъ горькимъ трудомъ добываетъ свой насущный хлѣбъ, сколько неудачъ у него въ борьбѣ съ природой, съ суровымъ климатомъ, съ нехорошими людьми, сколько невзгодъ, сколько терпѣнія! А пища-то его какая? Она грубая, и плохо стоговлена, недоварена, недожарена, трудно переварима. Не выпьетъ воды, онъ и болѣетъ. При всякихъ недостаткахъ особенно хлѣба и заработка у него бываютъ ссоры съ женой, съ дѣтьми; одинъ сваливаетъ вину зла на другаго; неприятель и черный кусокъ хлѣба, иногда вкушаемый со слезами. Выпьешь одну-другую рюмку, забудешь о своемъ горѣ, уснешь покойно, и ссоры прекращаются. Водка становится благодѣтельнойницей такого семейства.

Да вѣрно ли все это? Прогуляйтесь по нашимъ городамъ, деревнямъ и селамъ и услышите отвѣтъ на этотъ вопросъ. Вѣрно, въ томъ домѣ бѣда, нищета, и утѣшаются въ ней рюмкой. Такъ и въ другомъ и почти во всѣхъ. Пища самая скудная: плохо испеченный хлѣбъ, да ежедневно только картошка, борщъ, вотъ и все. Молока нѣтъ, дѣти съ тѣхъ поръ, какъ взяли ихъ отъ матерней груди, не пили его потому, что коровки нѣтъ. О мясѣ и не думаютъ, развѣ только на

Пасху и на храмовой праздникъ, и рыба только разъ въ годъ, если нѣтъ своей рѣчки или пруда. А отчего-же такая бѣдность? Отчего нѣтъ ни коровки, ни лошадки, ни овечки, иногда даже птицы, когда есть свой кусокъ земли, и она родить, а когда лѣто, даетъ иногда и порядочный, а всегда кое какой заработокъ?

Чтобы утѣшиться въ бѣдности, отдается за водку послѣдняя копѣйка, а послѣ занимается водка въ кабацкѣ уже на счетъ того хлѣба, который пошлетъ Богъ въ жатву. А накопилось побольше долгу отъ этой утѣшительницы, ты, братъ, жнешь уже на своей нивѣ не свой хлѣбъ, а кабатчиковъ, или другихъ кулаковъ; скосишь свое сѣно, вези его въ городъ, чтобы уплатить имъ проценты за долгъ. Потому то у тебя нѣтъ ни коровки, ни лошадки, отъ недостатка которыхъ поле безъ удобренія, отказывается родить; у тебя домашнее семейное горе, у тебя нѣтъ топлива, у тебя малопитательна и плохо стоговлена пища. Вотъ и въ горѣ утѣшаешься опять водкой и все глубже потопашь въ долгахъ.

И опять говорить кабатчикъ: не можетъ народъ не пить; водка замѣняетъ ему и теплый супъ и всякую вареную пищу. Крестьянинъ идетъ на работу въ лѣсъ. Тамъ ему никто варить не станетъ. Вотъ достанетъ онъ хлѣбъ изъ сумы и бутылку, выпьетъ и сухой хлѣбъ скушаетъ со вкусомъ, а иначе не согрѣлъ бы желудка и сдѣлался бы боленъ. Другой, каменщикъ, идетъ въ гору ломать камень; работа тяжелая; какъ одолѣть ее, не выпивъ водки? Она укрѣпляетъ и разогрѣваетъ и веселитъ духъ послѣ тяжелаго труда. Другой ѣдетъ съ грузомъ далеко въ дорогу. Не выпьетъ водки, какъ жить?

Вѣрно-ли это? Не совсѣмъ. Правда, что водка, кто ее пьетъ очень умѣренно, рабочему человѣку не вредна, но водка чистая, безъ алкоголя; а алкоголь, котораго не мало въ обыкновенной водкѣ, настоящая отравка. Всетаки здоровѣе выпить чаю съ молокомъ и, отходя на пѣлодневную работу въ лѣсъ или каменоломню, взять съ собой кусокъ творога, сала и хлѣба, которые даютъ крѣпость тѣлу и

согрѣваютъ его, такъ какъ въ нихъ кроется много питательныхъ веществъ безъ всякаго яда. Чѣмъ же грѣются гренландцы на жестокихъ морозахъ доходящихъ до 40 градусовъ? Мясомъ и жиромъ. Путешествующимъ на сѣверномъ ледовитомъ океанѣ воспрещено даже употребленіе водки, которая оказалась вредной; и они живутъ тоже только мясомъ и саломъ, самую лучшую пищу для согрѣванія тѣла въ такой температурѣ. Что дѣлаютъ армяне, занимающіеся торговлей? Собираясь въ далекій путь за торговлей или на работу, армянинъ беретъ съ собою копченое овечье или козье мясо (козину) и засушенные лепешки изъ пшеничной или ржаной муки, но не беретъ никакого напитка. Уставши отъ трудовъ, онъ рѣжетъ кусокъ козины и закусываетъ сухой лепешкой, и скоро онъ сытъ. И армяне отличаются здоровьемъ и долгой жизнью и имѣютъ славу самыхъ лучшихъ работниковъ. Мало кто видалъ пьянаго армянина, какъ не видать пьянаго еврея или араба.

Что пили народы, когда не было водки, а было одно только виноградное вино, не всякому бѣдному доступное? Что пили наши предки, когда не было на всемъ пространствѣ русской земли ни винокурней ни винограднаго вина, а работа самая тяжелая шла своимъ порядкомъ, и не такъ легко, какъ теперь? Въ настоящее время порохомъ разбиваешь скалу и берешь готовый камень, а въ глубокую старину надобно было каждый камень вырубать изъ скалы. Посмотрѣли бы вы на египетскія пирамиды, сколько тамъ рабочія руки нужно было для извлеченія одного камня. Сколько же тысячъ такихъ камней въ одной пирамидѣ! А рабочимъ не давали ни водки, ни другихъ напитковъ, но питали ихъ молокомъ и мясомъ. Что же ты, русскій крестьянинъ, дѣлаешь, если есть у тебя коровка и курицы? Молоко, и сыръ, и масло ты тащишь въ городъ, туда несешь и яйца, продаешь теленка и овцу, а въ городѣ на вырученные деньги покупаешь соли и керосину, обязательно берешь большую бутылку водки. Какъ обижаетъ ты сво-

ихъ дѣтей, твою плоть и кровь! Они не знаютъ и вкуса ни молока, ни творога, ни масла, ни яйца; благо однажды въ годъ на Пасху они полакомятся такою пищею. У нихъ круглый годъ постъ, и благо, если есть хотя сухой хлѣбъ. И видишь, они бѣдны, блѣдны, видъ у нихъ золотушный, тонкія кости; отъ одного борща и картошки, къ веснѣ зачастую пустившей глубокіе корни, живутъ какъ опухшій, ни силы ни веселости у нихъ нѣтъ. И ты самъ-то не чувствуешь себя крѣпкимъ и обманываешь себя, будто отъ водки прибываетъ сила, а это только обманъ, настоящій обманъ! А разъ ты привыкъ къ водкѣ, питье ея со временемъ переходитъ въ страсть цѣлаго семейства. Пьетъ отецъ и мать, пьютъ и дѣти; матери спаиваютъ ихъ, чтобы крѣпко спали и подъ предлогомъ глисты, слабого желудка и пр., страсть къ водкѣ изъ дѣтства, и нужда и недостатокъ идутъ вслѣдъ за ней. Дома ежедневно ссора; дѣти не слышатъ отъ родителей назидательныхъ словъ, только одну брань, ихъ не посылаютъ ни въ церковь, ни въ училище отъ недостатка одежды и обуви, они растутъ дикарями, не имѣя понятій ни о Богѣ, ни объ обязанностяхъ христіанскихъ; водка становится цѣлью всѣхъ ихъ желаній. Пьянство, какъ заразительная болѣзнь, переходитъ наслѣдственно изъ рода въ родъ; оно убиваетъ душу, безобразитъ челоука наружнымъ видомъ. Когда водка завладѣла организмомъ, недостатокъ ея ведетъ къ отчаянію, къ сумасшествію, иногда прямо къ смерти. Излечить такихъ несчастныхъ очень трудно. Бывали случаи, что пьяницы, отказавшіеся отъ водки, умирали въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Я былъ свидѣтелемъ такого случая: пьяница цѣлую недѣлю ничего не ѣлъ, когда отняли у него водку, скрежеталъ зубами, ломалъ все и угрожалъ убійствомъ всѣмъ приближающимся къ нему; а когда ему опять дали водку, онъ въ судорогахъ выпилъ цѣлую бутылку сразу, закатилъ глаза и рычалъ, какъ дикій звѣрь, пока не потерялъ сознанія.

Ничего болѣе отвратительнаго быть не можетъ, какъ видѣть челоука, образъ

Божій, павшаго жертвой такого порока.

И что же сказать о томъ, что такіа жертвы являютя у насъ, православныхъ, очень часто, а сравнительно мало замѣтны онѣ у иновѣрцевъ? Умолчимъ о томъ, по причинѣ ложнаго стыда, или скажемъ: да, такъ бываетъ?

Что творится у насъ въ праздникъ Пасхи? Сколько пьяницъ лежитъ въ помѣльѣ дома, сколько по дорогамъ, по улицамъ городовъ и сель безъ сознанія, иногда въ гривы хуже животныхъ, а другіе смотрятъ на нихъ совершенно равнодушно!.. Въ другихъ странахъ проходитъ Пасха въ трезвости и невинныхъ увеселеніяхъ; упится же до того, чтобы потерять сознаніе, считается срамомъ, и это случается чрезвычайно рѣдко.

Какъ вредно дѣйствуетъ притомъ худой примѣръ высшихъ классовъ, такъ называемой интеллигенціи, о томъ нечего и говорить. Отъ головы, говорится, рыба гниетъ. Гдѣ пьянство водится у помѣщика, его управляющаго и—отъ чего упаси Богъ—въ домахъ духовныхъ лицъ, тамъ бываетъ паденіе нравственное и матеріальное разореніе общества.

Самое прискорбное, когда женщины являютя предводительницами пьянствующихъ, а и это зачастую бываетъ. Какія же дѣти отъ такихъ матерей, которыя, оставля свои дома и семейства на произволъ судьбы, предаются скверному пороку пьянства, поютъ отвратительныя пѣсни, растлѣвая всякое христіанское чувство окружающихъ ихъ, особенно же молодежи и собственныхъ своихъ дѣтей.

Противъ вора мы имѣемъ замки и сторожей, противъ разбойниковъ мы вооружаемся, чтобы не ограбили и не убили насъ, а противъ пьянства, сего самаго страшнаго вора и разбойника, мы не вооружались до сихъ поръ, и онъ нападалъ на наше достояніе, обкрадывалъ и грабилъ насъ безнаказанно; да—онъ разорялъ отдѣльныхъ людей и цѣлыя семейства, и цѣлыя общества, и мы приносили ему, какъ влому идолу Молоху, кровавыя жертвы добровольно, безъ ро-

танія, поючи ему еще похвальныя пѣсни. За что? За то, что въ угожденіе этому идолу пропадали горькіе труды нашего честнаго народа; за то, что этотъ идолъ остановилъ его на пути христіанской цивилизаціи, сдѣлалъ его равнодушнымъ—или даже настраивалъ его враждебно—къ церковному и школьному ученію; за то, что онъ разорялъ дома и хозяйства, что сѣялъ вражду въ семействахъ и обществахъ, что научалъ лжи, лѣни, воровству, влѣтвopеpryстyленіямъ, разврату, наполнялъ тюрьмы ворами, дома сумасшедшихъ идиотами и больницы отвратительными болѣзнями, что города и села наши всегда еще имѣютъ видъ будто послѣ нашествія татаръ, съ тѣми бѣдными лачугами, съ тою грязью на улицахъ, съ тѣми неосушенными болотами, съ полями не видѣвшими удобренія, съ огородами безъ заборовъ или плетней, съ отсутствіемъ садовъ, съ бѣдными церквами, съ неокопанными кладбищами, на которыхъ роютъ свиньи,—за эти слезы несчастныхъ женъ, дѣтей и сиротъ, лишенныхъ насущнаго хлѣба и пріюта, за эти бессонныя ночи добрыхъ людей, за эти тяжкія бремена долговъ, полученныхъ по наслѣдству послѣ умершихъ пьяницъ... Идешь возлѣ кабаковъ и слышишь поющихъ за все это тому идолу похвальныя пѣсни! Какая грусть падаетъ на твое сердце!

И какъ не возрадоваться всякому доброму русскому народолюбцу, что тамъ въ Петербургѣ, объявляется война этому идолу, война жестокая, но не безнадежная.

У насъ, въ Россіи, великой и неизмѣримой, все идетъ, когда уже идетъ, великанскими шагами; у насъ другія мѣры и другая сила, чѣмъ въ другихъ странахъ. Составить намъ въ каждомъ городѣ, въ каждомъ приходѣ общество трезвости съ благословенія нашихъ богумудрыхъ владыкъ, соорудить при каждой церкви крестъ трезвости, вписаться въ книгу общества и показать примѣръ другимъ, и деньги пропадавшія по кабакамъ употреблять на школы и читальныя съ избранными книгами,—и въ два-три десятка лѣтъ не узнаетъ никто нашихъ

людей! Они, познавъ теперь и грамоту, возродятся къ новой, праведной, благочестивой христіанской жизни, города и села примутъ другой видъ, поднимется сельское хозяйство, водворится благосостояніе, которому позавидуютъ другіе народы, русскій народъ сдѣлается болѣе религиознымъ и нравственнымъ. Это не пустая мечта, нѣтъ. Это счетъ такой вѣрный, какъ дважды два—четыре.

Какъ на практикѣ устроить такіа общества, объ этомъ желательно услышать мнѣнія друзей народа изъ всѣхъ концовъ Россіи. Мнѣ остается написать только то, что я самъ видѣлъ и испыталъ. Это будетъ предметомъ слѣдующаго письма.

Протоіерей І. Наумовичъ.

Письмо сельскаго священника.

Слѣдующее за симъ письмо, писанное не для печати, сельскимъ священникомъ одной изъ степныхъ губерній, достойно вниманія, какъ образецъ скромной и плодотворной дѣятельности сельскаго пастыря въ церковно-приходской школѣ. Если-бы этотъ примѣръ нашелъ многихъ подражателей, какъ просто и какъ успѣшно подвинулось бы въ селахъ и деревняхъ нашихъ великое дѣло народнаго просвѣщенія въ неразрывной связи съ церковью. На этомъ же примѣрѣ можно видѣть, чего требуетъ народъ отъ своихъ пастырей и что желаетъ обрѣсть въ церкви; гдѣ источникъ того самочиннаго блужданія въ вѣрѣ, которымъ порождаются наши отчужденія отъ церкви секты, и гдѣ надобно искать средствъ отъ этого зла.

„Ваше письмо о церкви, какъ о богатѣйшей сокровищницѣ знанія до сихъ поръ лежитъ у меня на столѣ, какъ доброе напоминаніе. Ваша мысль близка и дорога моему сердцу, совершенно по моему вкусу; припомните старинныя времена, когда мы учились еще въ семинаріи, и тогда вы писали мнѣ, что я люблю толстыя кожаныя книги *); эта любовь пережила во мнѣ всѣ житейскія наслоенія

*) Т. е. церковно-богослужбеныя книги.

въ умѣ и душѣ моей. Судьбѣ не угодно было напитать меня изъ источниковъ живой воды высшей науки, но въ замѣнъ этого я много питательной пищи и живительнаго питія почерпалъ въ этихъ кожаныхъ толстыхъ книгахъ. Если кто, то тѣмъ болѣе священникъ, въ настоящее время долженъ сознавать необходимость церкви, какъ наставницы и руководительницы въ дѣлѣ ученія. Вы скажу мысль, за которую многіе отошлютъ къ существованію въ началѣ настоящаго столѣтія и сопричислятъ къ послѣдователямъ Шишкова; а все-таки я это исповѣдую. Переводъ Библии и особенно Новаго Завѣта на русскій языкъ, ихъ распространеніе въ народѣ воочію указываетъ на настоятельную необходимость разработать этотъ богатый источникъ. „Да, батюшка, хорошо здѣсь почитать, все понятно, а вонъ въ церкви читаютъ,—и слушаешь, да вѣдь тамъ все притчами читается“—такъ мнѣ сказалъ одинъ прихожанинъ, когда я бывши у него похвалилъ Новый Завѣтъ на русскомъ языкѣ. Безъ руководства церкви само святое Евангеліе, усвояемое исключительно на русскомъ языкѣ, производитъ въ душѣ крестьянина, незамѣтно для него самого, ощущеніе отчужденія отъ церкви, самоудовлетворенность наученія и назиданія домашнимъ чтеніемъ, приглушается чувство наслажденія духовнаго отъ церковной обрядности, умъ получаетъ нѣкое раціоналистическое направленіе, и вмѣсто духовнаго назиданія, этого благодатнаго всецѣлаго обновленія нравственнаго удовлетворяетъ простая житейская, практическая мораль. Восемнадцать лѣтъ я жилъ въ губернскомъ городѣ и исключительно интересами школы; въ эти 18-ть лѣтъ въ крестьянской жизни много измѣнилось въ социальномъ и экономическомъ отношеніи, а не менѣе того и въ нравственно-религиозномъ складѣ. Думаю, что наша духовная школа много теряетъ въ достиженіи своихъ цѣлей по неопознанію тѣхъ задачъ жизни, которыя предстоятъ ей воспитанникамъ: напитанные всякими ученіями, и явобы во всеоружіи выступая на борьбу въ жизни, они на самомъ дѣ-